

_khronika/nemeckaja_khronika_1941_ezhenedelnoe_kinoobozrenie
_die_deutsche_wochenschau_germanija_vse_vypuski_s_perevodom
_1941_go (24 апреля 2017г.)

Toland 2003 – Toland J. The Last 100 days. – N.Y.: Random House, 2003.

Marina V. Datsishina

IN THE SHADOW OF THE EMPEROR.

THE IMAGE OF NAPOLEON IN THE OFFICIAL DISCOURSE OF NAZI GERMANY. 1933-1945

The object of this article is the Nazi propaganda; the subject of this article - technology (on the example of the Napoleonic discourse) updating/replacement of images of the past from organized public discourse. The chronological scope of the article is 1933-1945. In some cases, the author expands the chronological scope; the author believes that a problem-based approach is the leading. The author convincingly proves that the use of the image of Napoleon in the official discourse of Nazi Germany was limited to anti-French discourse of the political elite. This circumstance that influenced the unsystematic use of an image of Napoleon in the official discourse. Haphazard use of the image of Napoleon in the Nazi propaganda kept him in the public discourse and simplified the use of the image of Napoleon in the anti-Nazi counter-propaganda. The tangibility of the threat of the death Wehrmacht in Russia, as before, and the armies of Napoleon, turned into a standalone threat. The author identifies several technologies of displacement of the Napoleonic discourse of German mass consciousness. A. Superiority. Napoleon is only a faint precursor of Hitler. B. The Substitution. Actualization of new historical subjects. C. The Opposition. Napoleon – the enemy of Germany.

Keywords: Nazi propaganda, the image of Napoleon in the promotion, technology promotion, Nazi Germany.

УДК 371.3:39(470.5)

Код ВАК 07.00.02.

М.К. Елисафенко

РУСИФИКАЦИЯ ИЛИ ПРОСВЕЩЕНИЕ? ШКОЛА ДЛЯ НЕРУССКИХ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ

Статья посвящена проблеме просвещения коренных народов Урала в связи с русской колонизацией края как средства этнокультурной консолидации россиян. Рассматриваются различные формы обучения детей: конфессиональ-

Елисафенко Марина Константиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедры истории России исторического факультета Уральского государственного педагогического университета; 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 453;
Marina K. Elisafenko, candidate of History, Associate Professor, chief of Chair of Russian history of Historical Department of Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).
Электронная почта/E-mail: elisafenko@bk.ru.

ные и инородческие школы, дается оценка их эффективности. В статье автор обращает внимание, что просвещение является средством обеспечения этнокультурной толерантности и эмпатии.

Ключевые слова: мультикультуризм, русско-инородческие школы, русификация, этническая унификация.

Российское общество изначально формировалось на полиэтничной основе при доминировании титульного русского народа. Восприятие другого без враждебности является нормой для российского мультикультуризма, несмотря на характер национальной политики, которая вплоть до конца XX в. носила русификаторский характер.

Понятие «русификация» не следует понимать исключительно в узком смысле как принудительную и ускоренную ассимиляцию многочисленных этнических общностей в составе российского государства. Скорее, это был поиск средств и методов для активизации процесса социально-политической унификации. Для бюрократической машины многочисленное население вне зависимости от этнокультурных или конфессиональных различий было налогоплательщиком, законопослушным подданным, которое должно было при этом безропотно нести бремя сословного неравенства и законодательного бесправия. В качестве важнейших средств достижения этнической унификации выделялись образование и конфессиональная однородность. Первые шаги в этом направлении стали предприниматься с конца XIV в.; своего рода своеобразным «полигоном» в этом плане стала Пермская земля.

Народы Прикамья попали в сферу интересов русских еще в XI в., благодаря походам новгородских ушкуйников, а с конца XVI в. восточная колонизация стала одним из важнейших направлений государственной политики. Отряды казаков и служилых людей открыли путь для трудовой миграции, в край потянулись русские крестьяне, пожелавшие обосноваться на новом месте, где было больше возможностей, ниже конкуренция на земельные угодья. Этот процесс изменил состав, характер расселения и хозяйственной деятельности народов Урала. К концу XIX в. в регионе насчитывалось более 40 этнических общностей. В Пермской губернии нерусское население составило лишь 10 %⁷⁶.

Государство стремилось включить коренное население Урала в общий ритм жизни российского общества, упростить взаимоотношения с русскоязычной администрацией, адаптировать к соседству с русскими поселенцами. Реализации этих задач, безусловно, способствовали разнообразным формам просвещения.

К этому времени у большинства немусульманских народов Прикамья не сложились собственная письменность и школьная систе-

© Елисафенко М. К., 2017

⁷⁶ Первая всеобщая перепись 1904.

ма. Первое знакомство с книжным знанием коми-пермяков и коми-зырян осуществилось благодаря миссионерской деятельности Стефана Симеоновича Храпова (Пермского), принесшего христианские заповеди на родном для местного населения языке. Вовлечение коренного населения в православие было невозможно без овладения Библией. На основе кириллицы Стефан Пермский разработал азбуку для коми, которая просуществовала 300 лет. Позднее в XVII в. его дело было продолжено бежавшими на Урал старообрядцами.

Первоначально задача русификации немусульманского населения Урала было возложено на миссионерские школы: монастырские, новокрещенные, епархиальные, братские. Однако эти учебные заведения не дали должного эффекта, поскольку для церкви были обременительной обузой (средства на их содержание составлялись из ассигнований Синода и общественных пожертвований), а учащимся давали слишком мало знаний.

Обучение продолжалось два года, дети получали навыки элементарной грамотности, но главное внимание было сосредоточено на изучении Закона божьего, молитв, христианской этики, особенностей православного богослужения. Обучение велось исключительно на русском языке, мало знакомом детям, поэтому оно не обеспечивало прочного усвоения получаемой информации, не формировало уверенного владения грамотой. Низкие результаты вызывали недовольство со стороны родителей, считавших посещение такой школы бессмысленным отрывом детей от хозяйства. Непопулярность миссионерских школ, их неэффективность не изменили ситуацию с грамотностью населения и его включенностью в орбиту русской культуры.

В противовес финно-уграм тюркские народы края имели сложившуюся систему образования – это конфессиональные мусульманские школы мектебе и медресе. Их популярность выводила татар, башкир, чувашей из-под контроля и влияния православной церкви и государства, что было опасно допускать.

Во второй половине XIX в. ситуация с просвещением инородцев заметно изменилась. В его основу была положена идея казанского педагога Н.И. Ильминского об использовании родного языка в обучении этнических меньшинств. Она получила официальное признание, став основой принятого 25 марта 1870 г. правительственного документа «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев»⁷⁷. Так было положено начало развитию системы русско-инородческих училищ.

Эти школы позволили контролировать процесс просвещения среди различных народов вне зависимости от конфессиональной принадлежности, т.к. предполагалось открыть как христианские (черемис-

⁷⁷ Сборник постановлений 2012.

ские⁷⁸, мордовские), так и магометанские (русско-татарские, русско-башкирские и русские классы при мусульманских медресе). В этих школах дети в течение трех-четырёх лет изучали русскую грамоту с использованием родного языка, затем переходили к обучению на основе двуязычия и постепенно овладевали азами русского языка. Курс русско-инородческих школ был не только продолжительнее, но и значительно шире, чем в миссионерских школах, приближаясь к земской школе: Закон божий, чтение, письмо, сведения по арифметике.

С целью более эффективной адаптации детей к русской культуре и упрочению полученных знаний были разработаны учебники для удмуртов, марийцев, татар. В 1906 г. был издан учебник И.В. Яковлева «Грамматические упражнения для инородческих школ» в двух частях. На его основе стало возможным эффективно использовать новационную звуковую методику обучения чтению в соответствии с «Инструкцией о способах обучения детей русской грамоте», составленной инспектором чувашских школ Золотницким.

Однако все эти меры носили скорее формальный, чем эффективный характер. Один из свидетелей жизни русско-инородческой школы так отзывался о ней: «В то время как школа для русских детей является матерью, для вотяков она мачеха. Учитель не понимает учеников, ученики – его. Взаимное непонимание приводит к самым печальным результатам. Скука и апатия царят в классе, ... учение преращается в мучение»⁷⁹.

Подобное свидетельство с очевидностью свидетельствовало, что главная трудность в достижении результативности в просветительской деятельности русско-инородческих учебных заведений состояла в нехватке квалифицированных учительских кадров, владевших родным языком учащихся и готовых отправиться в удаленные районы Пермской губернии. Потребности в педагогическом образовании для национальных школ удовлетворялись Казанской русско-инородческой учительской семинарией (с 1872 г.), Уфимской татаро-башкирской школой (с 1872 г.), Бирской учительской инородческой школой (с 1882 г.). Однако выпуски были малочисленными в сравнении со статистикой нерусского населения Прикамья.

По числу школ для этнических меньшинств уральский край занимал одно из ведущих мест: в 1890 г. их насчитывалось 181, в 1894 – 196, в 1915 г. – 878, однако их по-прежнему катастрофически не хватало.

В целом, русско-инородческие школы пользовались доверием местного населения. Однако они не решились задачи массового просвещения нерусского населения ни в России в целом, ни в уральском крае. Главная причина – нежелание государства вкладывать средства в раз-

⁷⁸ Черемисы или марийцы.

⁷⁹ Чехов 1923.

витие школьного дела для этнических меньшинств, в том числе в подготовку профессиональных кадров и в учебно-методическое обеспечение этих учебных заведений. Вторая, не менее существенная причина, – отсутствие мотивации у родителей и потенциальных учеников обучаться на русском языке, т.к. большая часть нерусского населения проживала компактно и не нуждалась в повседневной жизни использовать русский язык.

Отечественный опыт распространения русской культуры среди этнических меньшинств с очевидностью демонстрирует, что этот процесс может быть успешным в случае, когда обе стороны (организаторы процесса обучения и его потребители) являются заинтересованными и готовыми к сотрудничеству. В современных условиях высокой мобильности и активных миграционных процессов тщательный анализ практики прошлого может способствовать выработке наиболее эффективных методов этнокультурной коммуникации и безопасности.

Список источников и литературы

Первая всеобщая перепись 1904 – Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 31. Пермская губерния. – СПб., 1904. – С. VI.

Сборник постановлений 2012 – Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. – М.: Книга по Требованию, 2012. – С. 1556-1557.

Чехов 1923 – Чехов Н. В. Типы русской школы в их историческом развитии. – М.: Изд. т-ва «Мир», 1923. – С. 81.

Marina K. Elisafenko

RUSIFICATION OR EDUCATION? SCHOOL FOR NERUSSIAN PEOPLES OF PRIKAMYA

The article is devoted to the education of indigenous peoples of the Urals in connection with the Russian colonization of the region, as a means of ethno-cultural consolidation of the Russians. Discusses the various forms of education of children: religion and aboriginal schools, an assessment of their effectiveness. In the article the author pays attention that education is a means of ensuring ethno-cultural tolerance and empathy.

Keywords: multiculturalism, education, Russian-native schools, Russification, ethnic unification.